

С. ДУРЫЛИН

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

К 30-летию со дня смерти М. Г. Савиной

В день тридцатилетия со дня смерти замечательной русской артистки Марии Гавриловны Савиной невольно вспоминаются несколько ярких эпизодов ее творческой биографии, в которых с наибольшей силой проявилось отношение к артистке ее современников.

На просьбу Савиной разрешить ей поставить «Месяц в деревне» в ее бенефис Тургенев отвечал: «Согласен, но сожалею, так как пьеса писана не для сцены и недостойна вашего таланта». А увидев Савину в роли Верочки, он вслух выразил свое удивление:

— Неужели эту Верочку я написал?!

После того, как на одном из концертов Савина прочла сцену из «Обрыва» Гончарова, Достоевский воскликнул:

— Как читает, как читает! Какой язык, произношение!

— Это целая школа русского языка! — повторял автор «Преступления и наказания», обращаясь к присутствующим.

Лев Толстой отдал Савиной для ее бенефиса «Власть тьмы»; цензура запретила пьесу, спектакль не состоялся, но Савина прочла Толстому роль Анютки, и он, суровый критик театра и актеров, воскликнул: «Она прелесть! Как прочла Анютку! Вся засквозь — умница! — одна вдыхнуть!».

Когда Чехов узнал, что Савина собирается играть Сашу в его драме «Иванов», он с искренним сокрушением писал: «Мне просто стыдно, что Савина в моей пьесе будет играть чорт знает что. Знай я во времена оны, что она будет играть Сашу... назвал бы свою пьесу «Саша» и на этой роли построил бы всю суть, а Иванова прицепил бы только сбоку, но кто мог знать?».

Эти суждения Тургенева, Достоевского, Льва Толстого, Чехова служат истинной мерой подлинного художественного значения и успеха Савиной.

Оказалось, что эта молодая актриса, пришедшая в Петербург из глухой провинции, может истолковывать Тургеневу и Толстому подлинный художественный смысл созданных ими образов; оказалось, что дочь провинциального актера, не получившая образования, может быть для Достоевского «школой русского языка»; оказалось, что самое желание этой молодой актрисы взять на себя роль в пьесе Чехова служит для автора причиной критического пересмотра всей пьесы, пробуждает в нем желание написать ее вновь с большим художественным совершенством.

Вскоре после постановки «Власти тьмы», где Савина с суровой правдивостью сыграла Акулину, артистка писала:

«До сих пор у меня были две роли, которые я имела право считать своими созданиями: Марья Антоновна в «Ревизоре», Верочка в «Месяце в деревне» и теперь третья — Акулина во «Власти тьмы». Имена Гоголя, Тургенева и Толстого велики, и я счастлива, что могла олицетворить их типы. Этим трех ролей достаточно для всей моей карьеры, и они служат мне щитом».

Савина права: трех таких созданий, ею перечисленных, — созданий, исполненных мудрой простоты, глубокой правды, превосходного искусства — достаточно, чтобы войти в историю русского театра с именем замечательной художницы сцены. Слова эти сказаны Савиной, когда ею уже было сыграно несколько сот ролей; из них она отобрала только три и назвала их «щитом», которым могла обороняться от столь часто сыпавшихся на нее упреков в том, что она играет в пустых комедиях Виктора Крылова, в ничтожных драмах Николая Потехина.

Да, Савина играла в этих пустых и ничтожных пьесах; их ничтожество художественное, их мимолетность театральную она прекрасно сознавала,

* Слова из роли Анютки.

но то, что она создавала в этих пьесах, было не ничтожно, а в высокой степени замечательно.

Долгие годы ей приходилось оставаться в амплу комических и драматических ижнень, но, как выразился один критик, «инженю Савиной никогда не были ни немецкими сентиментальными дурочками, ни французскими притворщицами и попрыгуньями».

Из ничтожных, худосочных ролей в пьесах Крыловых, Невежиных, из их «резвухек» и слезливо-мелодраматических героинь Савина умела вырашивать живые, действенные характеры русских девушек и женщин, своих современниц, — от них веяло теплым дыханием русской жизни, свежестью неоглядных полей, вешним запахом березовых перелесков.

Верочка Тургенева была замечательным, несравненным созданием Савиной, в котором ее актерское авторство оказалось, быть может, сильнее писательского авторства самого Тургенева. Но за Верочкой последовала целая вереница других женских ролей, заново переписанных или дописанных Савиной с таким чудесным мастерством, с таким знанием русской жизни, с таким проникновением не в отвлеченную «психологию», а в истинную душу этих русских девушек, что ее образы принадлежат к самым высоким созданиям русского сценического искусства.

Прошли годы — и Савина, перестав играть Верочку, создала в той же пьесе Тургенева («Месяц в деревне») другую роль — Натальи Петровны, задыхающейся в своей дворянской теплице-оранжерее и рвущейся оттуда на простор полей и лугов. За нею открылась превосходная портретная галерея образов женщин на закате, — женщин, которые, по выражению Савиной, «еще любят, но которых уже не любят».

Это были образы-элегии по их музыкальному совершенству. Это были образцы тончайшего мастерства по той мудрой экономии средств, с которой достигались здесь высокохудожественные результаты. Успех продолжал сопутствовать Савиной и в ее «осенних» ролях.

В 1899 году Савина решила совершить заграничную поездку. «Да, мне всегда было обидно за наше русское драматическое искусство, которое почему-то не дерзало перешагнуть границы отечества, — писала она. — Между тем, бывая каждое лето за границей для отдыха и лечения и усердно посещая там театры, я все больше и больше убеждалась в том, что, в сущности, театр на Западе только еще стремится к тому, к чему мы уже давно пришли, т. е. к нашему же художественному реализму».

Гастроли Савиной в Берлине и Праге имели большой успех, — и это был именно тот успех, которого жаждала Савина: успех русского реалистического искусства. Савина бросила вызов немцам: она сыграла Магду в пьесе Зудермана «Родина». Зарубежная критика должна была признать, что и в немецкой пьесе русская артистка победила немецких актеров своею правдою и прекрасною простотою.

Савина гордилась тем, что всю жизнь она шла столбовой дорогой русского искусства. Она никогда не сворачивала ни в какие кривые переулки эффектной, самодовлеющей театральности, не попадала в тупики мистики и холодной абстрактности. Искусство ее было всегда согрето жизненной теплотой и насквозь пронизано солнечным светом. Это — большое искусство, умеющее прямо и беспретно смотреть в лицо жизни.

Печали, скорби, тревоги и труды, выпадавшие на долю русской женщины, Савина чутко ощущала и верно, трепетно передавала: недаром и повесть, о своей жизни она озаглавила: «Горести и скитания». Но никакая печаль, никакая горесть не могли помрачить радости бытия, которую славил Савина своим искусством в каждой пьесе, ею сыгранной, и в каждом образе, ею созданном.